



Совет Безопасности

Distr.
GENERAL

S/20443
2 February 1989
RUSSIAN
ORIGINAL: ARABIC

ПИСЬМО ПОСТОЯННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ИРАКА ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ
ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ ОТ 2 ФЕВРАЛЯ 1989 ГОДА НА ИМЯ
ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ

По поручению моего правительства имею честь препроводить Вам письмо заместителя Премьер-Министра и Министра иностранных дел Иракской Республики г-на Тарика Азиза от 2 февраля 1989 года.

Буду Вам признателен за распространение настоящего письма и приложения к нему в качестве документа Совета Безопасности.

Исмаг КИТТАНИ
Постоянный представитель

Приложение

Письмо Заместителя Премьер-Министра и Министра иностранных дел Иракской Республики от 2 февраля 1989 года на имя Генерального секретаря

Теперь, когда прошло около шести месяцев после достижения 8 августа 1988 года при Вашем содействии договоренности, в соответствии с которой Ирак и Иран согласились прекратить огонь и начать под Вашей эгидой прямые переговоры, а также в ознаменование визита Вашего личного представителя, г-на Яна Элиассона, во время которого мы провели с ним конструктивные и плодотворные переговоры, мне хотелось бы ознакомить Вас с нашей оценкой ситуации, сложившейся в отношении осуществления резолюции 598 (1987) Совета Безопасности.

Как хорошо известно, иранская сторона отказалась признать резолюцию 598 (1987) сразу же после ее принятия и, вместо этого, в течение последующего периода продолжала войну, совершала агрессивные действия и вторгалась на иракскую территорию. Она признала эту резолюцию спустя примерно год после ее принятия, 18 июля 1988 года, в обстоятельствах, о которых Вам и международному сообществу известно. Эти обстоятельства сложились в результате того, что Ирак добился успеха и освободил оккупированную территорию, которую иранская сторона упорно удерживала в течение ряда лет и использовала в качестве плацдарма для осуществления новых вторжений и достижения экспансионистских целей, о которых Ираном открыто заявлялось.

Несмотря на все эти факты, Ирак воспринял признание Ираном резолюции 598 (1987) с чувством реализма и ответственности. Мы сразу же приступили к поиску наилучших средств, которые позволили бы начать осуществление этой резолюции, являющейся мирным планом. 20 июля 1988 года мы направили на Ваше имя письмо, в котором потребовали проведения прямых официальных переговоров между уполномоченными представителями двух сторон под эгидой Генерального секретаря, с тем чтобы обсудить порядок осуществления резолюции 598 (1987). Это предложение было основано на искреннем желании убедиться в истинных намерениях иранских должностных лиц в отношении признания резолюции 598 (1987) и практической необходимости непосредственно уяснить, как Иран понимает данную резолюцию. Кроме того, такой подход является как практическим, так и логическим в деле разрешения международных споров, особенно если учесть тот факт, что в заявлениях, касающихся признания этой резолюции, которые делают иранские официальные лица, постоянно говорится о срочных обстоятельствах, некоей необходимости, причем обуславливающие эту необходимость обстоятельства и причины они раскрыть не могут, печали и разочарования, которые вызывает такая необходимость. Эти официальные лица также странным образом понимают букву и дух этой резолюции, что не соответствует нормам международного права и принципам, регулирующим отношения между государствами в современную эпоху.

Просьба Ирака о проведении прямых переговоров не являлась предварительным условием, как это в то время утверждалось Ираном, поскольку этот подход к процессу мирного урегулирования не предполагает предоставление односторонних преимуществ Ираку в ущерб Ирану.

Одним из проявлений нашего искреннего стремления к миру стало заявление президента Иракской Республики г-на Саддама Хусейна от 6 августа 1988 года о том, что Ирак готов прекратить огонь при том условии, что Иран объявит четко,

недвусмысленно и официально о своем согласии вступить в прямые переговоры сразу же после прекращения огня, с тем чтобы мы могли обсудить, достигнуть согласия и выполнить резолюцию Совета Безопасности.

После этого исторического заявления имели место интенсивные контакты с Вами, и 8 августа 1988 года была достигнута договоренность об объявлении даты прекращения огня. Договоренность была также достигнута и о графике, основе и цели прямых переговоров между двумя сторонами под эгидой Генерального секретаря Организации Объединенных Наций. В тот же день Вы направили письма на имя постоянных представителей обеих стран. Я полностью цитирую текст такого письма, учитывая его важность в связи с последующими событиями.

Письмо гласит следующее:

"Учитывая результаты моих официальных контактов с Ираком и Исламской Республикой Иран, мне хотелось бы сообщить Вам о согласии обоих правительств с тем, что прямые переговоры между их министрами иностранных дел должны быть проведены под моей эгидой сразу же после прекращения огня, с тем чтобы достичь общего понимания в отношении других положений резолюции 598 Совета Безопасности, порядка и сроков их осуществления".

Из этого обзора событий в их последовательности видно, что благодаря усилиям Генерального секретаря Организации Объединенных Наций между двумя сторонами была достигнута договоренность о том, чтобы установить дату прекращения огня до достижения договоренности по всем связанным с этим положениям. Фактически прекращение огня вступило в силу в виде отказа от ведения огня 20 августа, и наблюдатели Организации Объединенных Наций расположились на своих позициях до согласования подробных правовых положений и обязательств, касающихся прекращения огня, путем достижения договоренности между двумя сторонами и Генеральным секретарем. Такая договоренность была необходима для укрепления прекращения огня. Естественно, что переговоры в Женеве должны были начаться с рассмотрения этого важного вопроса с целью укрепления прекращения огня путем достижения четкой и конкретной договоренности между двумя сторонами под эгидой Организации Объединенных Наций, прежде чем переходить к обсуждению других положений резолюции 598 (1987). Когда 25 августа 1988 года в Женеве начались прямые переговоры, то Ирак уже на первой сессии просил, чтобы положения и обязательства, связанные с мерами по прекращению огня, были ясными и недвусмысленными с целью предотвращения каких-либо расхождений в их толковании во время будущего осуществления, а также для того, чтобы прекращение огня носило постоянный характер и представляло собой бесповоротный шаг в сторону всеобъемлющего и прочного мира. Ирак также просил, чтобы указанные положения и обязательства, после осуществления их на суше, в воздухе и на море, были бы одинаково выгодны обеим сторонам, став тем самым надежной гарантией укрепления прекращения огня.

В этом контексте и на основе этих общих принципов и конечных целей резолюции 598 (1987), в частности необходимости достижения мирного, всеобъемлющего, справедливого и прочного урегулирования конфликта, Ирак предлагает урегулировать в рамках положений и обязательств о прекращении огня два основных вопроса.

Первый вопрос касается необходимости четкого подтверждения принципа свободы судоходства в международных водах Арабского залива и Ормузского пролива для всех судов и их беспрепятственного прохода. В основу нашей позиции по данному вопросу

/...

положен текст резолюции Совета Безопасности, в которой в качестве первого шага на пути к урегулированию путем переговоров предусматриваются такие меры, как прекращение огня, остановка всех военных действий на суше, на море и в воздухе. Мы также основывали нашу позицию на принципе взаимной выгоды. Нельзя допустить, чтобы положения и обязательства на суше и в воздухе носили бы обстоятельный характер и предоставляли обеим сторонам одинаковые преимущества, а положения и обязательства на море являлись бы постыдным недостатком, поскольку они, учитывая географическое положение Ирана в Арабском заливе и Ормузском проливе, давали бы преимущество Ирану в ущерб Ираку.

Второй вопрос касается того, чтобы возложить на Организацию Объединенных Наций задачу по расчистке реки Шатт-эль-Араб и придания ей судоходного характера без ущерба для правового статуса этого водотока, что можно будет обсудить на одном из последующих этапов переговоров. Внося это предложение, мы учитывали тот факт, что Шатт-эль-Араб для Ирака является основным водным путем, ведущим в открытое море, и что в результате того, что за годы войны количество препятствий для судоходства увеличилось, процесс расчистки водотока займет долгое время и для этого потребуется участие иностранных специалистов и средства международного сообщества. Поскольку переговоры о достижении всеобъемлющего и прочного мира и решение всех остающихся нерешенными вопросов между двумя сторонами могут затянуться, было бы логично использовать это время для того, чтобы сделать реку Шатт-эль-Араб судоходной. В таком случае был бы соблюден принцип обеспечения взаимной выгоды после прекращения огня на море для обеих сторон - Ирака и Ирана.

К большому сожалению, иранская сторона не откликнулась на две эти законные и логичные просьбы, которые призваны укрепить прекращение огня, что свидетельствует об искреннем желании установить мир. Иран прибег к методам увиливания и старался не допустить того, чтобы занять какую-либо правовую и логическую позицию, на основе которой можно было бы рассматривать вопросы, обсуждаемые в ходе переговоров, и с упорством руководствовался избирательным подходом, в рамках которого Иран делал акцент на каком-либо выгодном ему аспекте, а не на готовности соблюдать возложенные на него обязательства.

Что касается свободы судоходства в международных водах Арабского залива и Ормузского пролива, то иранская делегация необоснованно заявляет о праве контролировать свободный проход судов, ссылаясь на некое право производить инспекции, основанное на понимании, которое полностью не соответствует принципам международного права, касающимся системы коллективной безопасности, которые воплощены в Уставе Организации Объединенных Наций, а также несовместимо с буквой и духом резолюции 598 (1987), цель которой заключается в достижении всеобъемлющего и прочного мира. Ясно, что в основе понимания иранской стороной прекращения огня лежат договоренности о перемирии, которые заключались до создания Организации Объединенных Наций и принятия ее Устава, а не признание прекращения огня в качестве первого шага в сторону урегулирования, как об этом ясно говорится в пункте 1 резолюции.

Иранская делегация затем развила далее свою точку зрения, настаивая на включении положений, которые в сущности привели бы к введению эмбарго на поставки оружия Ираку морским путем. Она начала распространять ложные обвинения в том, что Ирак призывает к свободному судоходству в иранских территориальных водах, когда совершенно очевидно, что в действительности Ирак призывает к свободному судоходству в международных водах и в Ормузском проливе.

Что касается расчистки реки Шатт-эль-Араб, то иранская делегация отклонила реалистическое и логически обоснованное предложение Ирака. Затем она предприняла попытку непосредственно увязать процесс расчистки с выполнением Ираном в качестве предварительного условия требования о признании договора 1975 года, который утратил силу, поскольку начиная с 1979 года Иран на словах и на деле нарушал его положения. Кроме того, нет никакой связи между этим вопросом и процессом расчистки, который является техническим мероприятием в рамках прекращения огня, в соответствии с которым на море устанавливается режим свободного судоходства для обеих стран.

Кроме того, иранская делегация утверждала, что два вышеупомянутых предложения Ирака представляют собой странные просьбы.

Просьба Ирака оговорить в качестве особого условия в договоренностях о прекращении огня обеспечение свободного судоходства и расчистки реки Шатт-эль-Араб не является какой-либо новой просьбой, равно как и не является просьбой, которая не имеет отношения к букве и духу резолюции 598 (1987). И та и другая представляют собой основополагающие элементы, составляющие суть процесса прекращения огня, который является первым шагом на пути к урегулированию путем переговоров, как указывается в пункте 1 этой резолюции. Ирак уже не раз подчеркивал значение этих двух вопросов после признания им резолюции 598 (1987). Мы обратились с этой просьбой в нашем письме от 22 июля 1987 года, в котором признается данная резолюция, и мы подтвердили ее в письме Саддама Хусейна, президента Иракской Республики, от 6 августа 1988 года, которое предваряло соглашение о прекращении огня. Мы подчеркнули также значение этой просьбы в двух письмах, которые я адресовал Генеральному секретарю 20 июля 1988 года после признания Ираном этой резолюции и 11 августа 1988 года после установления даты прекращения огня и до начала переговоров в Женеве.

Кроме того, в плане Генерального секретаря, касающемся осуществления резолюции 598 (1987), представленном двум сторонам 15 октября 1987 года, который, по мнению иранской делегации, является одним из краеугольных камней механизма переговоров, четко оговаривается необходимость обеспечения свободного судоходства и расчистки реки Шатт-эль-Араб в положениях о прекращении огня на море.

Первый раунд переговоров в Женеве не привел к достижению договоренности по конкретным положениям о прекращении огня и взаимным обязательствам двух сторон, вытекающим из этого прекращения огня ввиду несговорчивой и нелогичной позиции Ирана.

1 октября 1988 года состоялась встреча между двумя делегациями в Нью-Йорке, в ходе которой Генеральный секретарь представил серию предложений, касающихся осуществления ряда положений резолюции 598 (1987).

В то время была достигнута договоренность о возобновлении переговоров в Женеве с целью изучения этих и других предложений в надежде ускорить процесс достижения Урегулирования.

Когда начался второй раунд переговоров в Женеве, мы, сознавая всю ответственность и преисполненные решимости обеспечить успех переговоров, заявили, что необходимо согласовать конкретную процедуру осуществления резолюции 598 (1987) с целью обеспечения сбалансированности и паритета и достижения в конечном счете

желаемого результата. Мы предложили утвердить либо "последовательную" процедуру, что являлось нашим первоначальным предложением, либо "комплексную" процедуру, если иранская делегация того пожелает. В случае утверждения "последовательной" процедуры сначала предстоит достигнуть договоренности по всем мероприятиям, касающимся прекращения огня, включая свободное судоходство и расчистку реки Шатт-эль-Араб, прежде чем перейти к обсуждению других положений резолюции 598 (1987). В случае утверждения "комплексной" процедуры должно быть предусмотрено включение в этот комплекс после достижения договоренности относительно условий укрепления процесса прекращения огня других положений резолюции, а не только некоторых из ее пунктов.

Мы подчеркнули также, что важнейшим условием применения "комплексного" подхода будет обеспечение сбалансированности между элементами пункта, с одной стороны, и взаимосвязи между различными пунктами - с другой.

Однако, к сожалению, иранская делегация вновь прибегла к такой же тактике, которую она использовала во время первой сессии. Совершенно очевидно, что она не была готова взять на себя обязательства выполнять соглашение от 8 августа 1988 года или признать установленную процедуру осуществления резолюции. Иранская делегация начала говорить о приоритетах в связи с осуществлением резолюции таким образом, что это не соответствовало ни "последовательной" процедуре, ни всеобъемлющей "комплексной" процедуре. Она вновь прибегла к хорошо известному избирательному подходу. Она предпочитает для одного вопроса - одну процедуру, для другого - другую, с тем чтобы обеспечить извлечение выгоды, не связывая себя какими-либо обязательствами относительно соблюдения логической последовательности или использования одной процедуры при осуществлении резолюции. Она настоятельно призывает немедленно вывести войска, ссылаясь на достижение прекращения огня, и в то же время отказывается дать согласие на завершение разработки его условий и положений. Между тем она заявляет, что нынешние операции еще не завершены, с тем чтобы оправдать свой отказ осуществить обмен военнопленными, предусмотренный в пункте 3 резолюции и в статье 118 третьей Женевской конвенции. Она также предприняла попытку увязать вопросы свободного судоходства и расчистки реки Шатт-эль-Араб с другими аспектами резолюции при отсутствии какой-либо логической основы для такой увязки.

Таким образом, в ходе этой сессии в течение ряда дней мы предпринимали тщетные попытки достичь договоренности с иранской стороной относительно четкой основы или конкретной процедуры для осуществления положений резолюции 598 (1987), с тем чтобы обеспечить сбалансированность и паритет и всеобъемлющий и прочный мир.

Иранская делегация настаивала на избирательном подходе, на переходе от одного вопроса к другому и отказывалась связывать себя какими-либо нормами международного права. Ее позиция в вопросе обмена военнопленными, о которой мы подробнее будем говорить ниже, является красноречивым доказательством этого странного, неискреннего и несерьезного подхода к осуществлению резолюции.

Перед возобновлением второго раунда переговоров в Женеве Международный комитет Красного Креста (МККК) направил министрам иностранных дел двух стран меморандум от 4 октября 1988 года, в котором содержался призыв к ним незамедлительно начать обмен военнопленными в осуществление положения статьи 118 Женевской конвенции 1949 года об обращении с военнопленными, в которой говорится, что военнопленные освобождаются

и репатрируются тотчас же по прекращении военных действий, поскольку военные действия были прекращены 20 августа 1988 года с вступлением в силу прекращения огня между двумя сторонами. МККК настоятельно призвал две стороны совместно тщательно изучить вопрос о выполнении этого обязательного для их двух государств условия на основе документа о принципах и практических мерах, касающихся этого вопроса, который МККК представил 23 августа 1988 года.

Ирак согласился с предложением МККК в своем письме от 17 октября 1988 года. Ко времени проведения второго раунда Женевских переговоров 31 октября-11 ноября 1988 года иранская сторона еще не ответила на меморандум МККК.

В ходе второго раунда переговоров иранская делегация настаивала на странном толковании смысла фразы "прекращение активных военных действий", полагая, что они не прекращены и не могут считаться таковыми до тех пор, пока вопрос о выводе войск не будет урегулирован. Поэтому она не соглашается начать обмен в настоящее время после прекращения огня в соответствии с положением пункта 3 о необходимости обмена военнопленными незамедлительно по прекращении активных военных действий в соответствии с предложением МККК двум сторонам 4 октября 1988 года.

В ходе официального раунда переговоров и в присутствии Генерального секретаря и его личного представителя мы предложили, чтобы Международный комитет Красного Креста, который является компетентным органом, принял решение относительно толкования третьей Женевской конвенции и статьи 118 этой Конвенции и чтобы мы действовали в соответствии с этим решением Комитета. Иранская сторона отказалась сделать это и по-прежнему отказывалась освободить военнопленных. Ввиду стремления Ирака оказать содействие в решении этих вопросов мы согласились с предложением Комитета о том, что в случае признания МККК военнопленных больными или ранеными они должны освобождаться на основе принципа взаимности и справедливости. Таких иракских военнопленных насчитывается 1158 по сравнению с 411 иранскими военнопленными.

В соглашении предусматривается, что операция по репатриации должна быть завершена в течение 10 дней начиная с 22 ноября 1988 года. МККК установил следующие дневные квоты: 115 иракцев - 41 иранец. В начале осуществления этого соглашения иранские власти прибегли к явному обману с целью уменьшения реальных согласованных квот по каждому контингенту раненых и больных военнопленных, репатриация которых предусматривалась соглашением, придумав с этой целью объяснения, которые являются абсолютно необоснованными.

24, 26 и 27 ноября 1988 года были репатрированы три группы в составе соответственно 52, 51 и 52 военнопленных, и МККК сообщил нам, что иранская сторона представила следующие странные объяснения причин отказа в репатриации других военнопленных, как это было согласовано. Иранская сторона представила следующие объяснения:

20 военнопленных отказались от репатриации;

61 военнопленный находился на лечении;

в отношении 28 военнопленных решения принято не было;

68 военнопленных уже освобождены иранскими властями без уведомления МККК и без репатриации;

личность двух военнопленных не установлена;

восемью военнопленных в лагере не оказалось;

двое военнопленных умерли;

в отношении одного военнопленного-египтянина решения принято не было.

Эти цифры и выдвигаемые иранской стороной в этой связи оправдания наглядно свидетельствуют о том, что вероломное поведение иранских властей было направлено на то, чтобы обеспечить репатриацию иракских пленных в количестве, приблизительно равном числу иранских пленных, что идет вразрез с договоренностью, достигнутой на основе предложений МККК, согласно которым репатриации подлежали все зарегистрированные больные и раненые пленные. Следует напомнить, что выдвинутые иранскими властями оправдания не нашли поддержки у МККК и никаких документов в обоснование притязаний иранских властей предоставлено не было. Всем нам известно, что документация, касающаяся судьбы пленных, имеет исключительно важное значение как с точки зрения юридических и гуманитарных соображений, так и в силу того, что в исламском шариате имеется немало положений, носящих обязательный характер в подобных случаях.

Ваше Превосходительство, принимая во внимание то, что прийти к взаимопониманию с иранской стороной относительно метода осуществления указанной резолюции не удалось, мы заявили в ходе переговоров, что договоренность от 8 августа 1988 года, достигнутая двумя сторонами при посредничестве Генерального секретаря, должна соблюдаться в ходе переговоров, имеющих целью осуществление резолюции 598 (1987) как мирного плана.

Мы подчеркивали значение этой последней концепции, т.е. концепции, согласно которой резолюция 598 (1987) является мирным планом в то время, как иранский режим в ходе двух раундов женеvских переговоров, а также на совещании, состоявшемся 1 октября в Нью-Йорке, вел себя так, словно понимание резолюции 598 (1987) представляет арену для политических споров, на которой иранский режим ведет политическую войну после поражения на военном поприще. Несмотря на эту неувязку, мы поддержали выдвинутые Вашим личным представителем г-ном Яном Элиассоном в последние дни второго раунда женеvских переговоров инициативы, направленные на создание позитивной атмосферы, благоприятствующей конструктивному продолжению переговоров, а также выразили согласие со всеми его предложениями в этом плане.

Итак, второй раунд женеvских переговоров завершился без ощутимого продвижения вперед. Мы надеялись, что после необходимой для размышления умеренной паузы удастся возобновить переговоры и перейти к плодотворной работе.

Однако иранская сторона по возвращении в Тегеран выступила с рядом заявлений, избобилующих измышлениями и угрозами возобновления агрессии и применения силы для решения вопросов, не урегулированных на переговорах. В своем письме на имя Генерального секретаря Организации Объединенных Наций от 11 декабря 1988 года

(S/20319) я привел несколько примеров таких заявлений. После этого иранский министр иностранных дел направил Генеральному секретарю два письма от 15 и 29 декабря 1988 года (S/20350 и S/20363), в которых подтверждал вышеупомянутую иранскую позицию. Это укрепило сложившееся у нас мнение о том, что иранское правительство по-прежнему не желает исходить из того, что резолюция 598 (1987) представляет собой мирный план, который должен осуществляться при условии взаимопонимания, под эгидой Генерального секретаря, на основе норм международного права, так, как подобает урегулировать споры между государствами в современную эпоху, и в соответствии с договоренностью от 8 августа 1988 года. Совершенно очевидно, что иранское правительство решило вести войну по-иному, поскольку от ведения ее прежним способом оно было вынуждено отказаться в результате нанесенных его вооруженным силам поражений, а также под воздействием давления, оказываемого на него международной общественностью и общественным мнением внутри Ирана с тех пор, как была вскрыта безнадежность ведения политики агрессии и экспансионизма.

В ответ на указанные два письма иранской стороны я представил свое письмо от 5 января 1989 года, с тем чтобы еще раз наглядно показать полную необоснованность всех иранских измышлений и утверждений.

Тем не менее Иран продолжал вести себя в прежней манере. Министр иностранных дел Ирана направил Генеральному секретарю еще одно письмо (S/20413) 23 января 1989 года - в день, когда личный представитель Генерального секретаря г-н Ян Элиассон прибыл в Тегеран в ходе своей поездки по двум странам, целью которой являлось продвижение хода мирных переговоров. В этом письме иранский министр предпринял явную попытку создать ложное представление о тех центральных вопросах, добиться согласования которых было необходимо для осуществления основной цели указанной поездки. Следует отметить, что на этот раз иранский министр не удовлетворился повторением измышлений и клеветнических выпадов своего правительства, а пошел дальше: он присвоил себе право выступать от имени Генерального секретаря, заявив, что, прежде чем его правительство дало согласие на прямые переговоры, оно получило заверения в том, что эти переговоры будут проводиться в целях выполнения положений пункта 4 резолюции 598 (1987) и что в отношении всего остального обсуждение в их рамках ограничится установлением сроков осуществления других ее пунктов. Не менее странно и то, что министр иностранных дел Ирана открыто заявил, что обсуждение положений о прекращении огня выходит за рамки переговоров. Это подчеркивает избирательность подхода иранского правительства и его неверие в концепцию мирного плана, которая является воплощением духа и буквы резолюции и представляет собой единственную здравую основу ее осуществления к обоюдному благу и в соответствии с взаимными интересами обеих сторон, в целях обеспечения мирного, всеобъемлющего и прочного урегулирования спора.

Объективная оценка реальностей мирных переговоров и позиций обеих сторон по отношению к ним в том виде, в каком они изложены нами выше, позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, абсолютно ясно, что Иран занимает в отношении резолюций Совета Безопасности, включая резолюцию 598 (1987), и международного права избирательную позицию, согласно которой иранская сторона принимает те положения, в которых она усматривает для себя преимущества, и отвергает те, которые ведут к принятию ею на себя обязательств.

В отличие от этого в позиции Ирака, неоднократно подтверждавшейся им на протяжении всего спора как до, так и после принятия резолюции 598 (1987), подчеркивается необходимость выполнения положений резолюций Совета Безопасности, включая вышеупомянутую резолюцию, а также норм международного права на всеобъемлющей, целостной и сбалансированной основе. Это должно быть хорошо известно Совету Безопасности. Тем, у кого возникают какие-либо сомнения в этом плане, достаточно проанализировать и сопоставить позиции Ирана в период до принятия резолюции 598 (1987) и после ее принятия, с одной стороны, и соотнести их с теми позициями, которые излагались Ираном, начиная с принятия им указанной резолюции по настоящее время, - с другой.

Не вызывает сомнения, что резолюция 598 (1987) является не просто планом, в котором излагаются процедуры и оговариваются сроки, а представляет собой "мирный план", как неоднократно называл ее Генеральный секретарь и как она воспринимается всеми. Правительство Ирака разделяет с Генеральным секретарем эту точку зрения и считает, что в соответствии с таким представлением указанная резолюция должна быть осуществлена на основе выработки общего понимания ее положений путем переговоров между двумя сторонами под эгидой и при содействии Генерального секретаря в целях установления всеобъемлющего и прочного мира между ними на основе устоявшихся принципов и норм, регулирующих международные отношения в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций и международным правом.

При сосредоточении внимания на одном из положений резолюции 598 (1987), как это делает правительство Ирана, не объясняя своей позиции по другим положениям указанной резолюции, невозможен искренний и ответственный подход к установлению всеобъемлющего, сбалансированного и прочного мира, - такая позиция порождает немало сомнений в серьезности намерений иранской стороны относительно выполнения ею своих обязательств в соответствии с этой резолюцией. Следовательно, надежная гарантия добросовестного осуществления резолюции 598 (1987) заключается в принятии без колебаний и увливания мер в интересах укрепления и консолидации прекращения огня на основе договоренности о его положениях и взаимных обязательствах по их выполнению, при последующей выработке общего понимания других положений указанной резолюции в целях такого их осуществления, какое позволит установить мир в соответствии с договоренностью от 8 августа 1988 года. В ходе визита Вашего представителя г-на Элиассона мы, желая содействовать развитию мирного процесса, дали согласие на создание на основе его предложения смешанной военной рабочей группы, имеющей целью урегулирование любых трудностей, которые могут возникнуть в деле осуществления положений о прекращении огня, а также на снятие запрета на воздушно-транспортные поставки в Иран. Кроме того, мы в одностороннем порядке, по собственной инициативе, без предварительных обсуждений или переговоров уже освободили 255 иранских пленных.

В заключение мне хотелось бы уверить Вас, что иракское правительство высоко ценит усилия, предпринимаемые Вами и Вашим личным представителем г-ном Яном Элиассоном, по обеспечению хода переговоров, а также Ваше постоянное стремление содействовать их продвижению вперед. Правительство Ирака не пожалеет усилий на конструктивное сотрудничество с Вами в целях установления всеобъемлющего и прочного мира в отношениях между Ираком и Ираном и в нашем регионе. Мы верим, что продолжение переговоров на основе договоренности от 8 августа 1988 года

представляет собой единственный путь к достижению успеха. Кроме того, мы хотим заявить, что Ирак категорически отвергает любые предварительные условия, выдвигаемые иранской стороной относительно возобновления переговоров.

И наконец, мне хотелось бы сообщить Вам, что правительство Ирака готово принять приглашение к возобновлению прямых переговоров в установленные Вами сроки.

Тарик АЗИЗ
Заместитель Премьер-Министра
и Министр иностранных дел
Иракской Республики